

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.53>

Тугуз Гошсим Туркубиевна

ВАРИАНТНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются некоторые глагольные фразеологические единицы и их варианты в адыгейском языке в сравнении с русским языком. Научный интерес заключается в выявлении специфики передачи глагольных фразеологизмов и их вариантов с адыгейского языка на русский язык, общих и отличительных черт, присущих глагольным фразеологизмам в разноструктурных языках. Производится семантический, стилистический, сравнительный, переводческий и статистический анализ. Результаты исследования расширяют представления о вариантности глагольных фразеологизмов в адыгейском языке и их функционировании в языке и речи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 253-257. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.352.3

Дата поступления рукописи: 21.12.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.53>

В статье рассматриваются некоторые глагольные фразеологические единицы и их варианты в адыгейском языке в сравнении с русским языком. Научный интерес заключается в выявлении специфики передачи глагольных фразеологизмов и их вариантов с адыгейского языка на русский язык, общих и отличительных черт, присущих глагольным фразеологизмам в разноструктурных языках. Производится семантический, стилистический, сравнительный, переводческий и статистический анализ. Результаты исследования расширяют представления о вариантности глагольных фразеологизмов в адыгейском языке и их функционировании в языке и речи.

Ключевые слова и фразы: разноструктурные языки; варианты; глагольные фразеологизмы; перевод; фразеология; адыгейский язык; глагольный компонент.

Тугуз Гошсим Туркубневна

*Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, г. Майкоп
tuguz.71@mail.ru*

ВАРИАНТНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

За последнее время проблемы фразеологии привлекают все больше внимания специалистов. Несмотря на это, целый ряд важных вопросов остается спорным и до конца не изученным.

Фразеологические единицы, как и слова, выполняют важные функции, являясь обозначением явлений, фактов, процессов, а также эмоционально-экспрессивной оценкой этих явлений.

Вопросы вариантности языковых единиц получили теоретическое освещение в работах О. С. Ахмановой, В. В. Виноградова, А. П. Евгеньевой, К. С. Горбачевича, З. Ю. Кумаховой, М. А. Кумахова, Ю. А. Тхаркахо, А. А. Шаова, М. И. Магомедова, М. М. Биданок и других ученых.

Вариантность – объективное следствие языковой эволюции, непреходящий атрибут живого литературного языка [1, с. 3].

Новизна исследования заключается в том, что в сравнительном плане изучается специфика передачи глагольных фразеологизмов и их вариантов с адыгейского языка на русский язык. Материалом для исследования служит фразеологический фонд адыгейского языка.

Цель исследования заключается в выявлении закономерностей соотношения общего и специфического в вариантных глагольных фразеологизмах адыгейского и русского языков, а также определении качества перевода в плане передачи фразеологических средств оригинала.

В соответствии с целью исследования ставятся следующие **задачи**: рассмотрение различных вариантов глагольных фразеологизмов в адыгейском языке, выявление соотношения глагольных фразеологизмов в адыгейском и русском языках, определение некоторых особенностей перевода фразеологизмов с адыгейского на русский язык.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, проблемой вариантности языковой культуры адыгов, с другой – проблемой перевода фразеологических единиц в разноструктурных языках, а также определенным интересом к проблемам взаимодействия истории языка и культуры адыгского и русского народов.

Для достижения цели автором статьи использовались методы исследования: метод сплошной выборки, сравнительный, статистический, переводческий, семантический и стилистический анализ.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их применения в преподавании школьных и вузовских курсов по фразеологии, составлении фразеологических словарей.

«В явлении вариантности обнаруживается противоречие между формой и содержанием фразеологизма. Значение фразеологизма имеет тенденцию приобретать разные формы выражения, и наоборот: одна и та же фразеологическая форма стремится выполнять разные языковые функции» [5, с. 116].

Как отмечает Ф. И. Хейшхо, «специфика номинативной значимости словных компонентов фразеологических единиц заключается в том, что они сохраняют способность отражать основные ономазиологические категории – предмет и признак во всех разновидностях. Ведущими классами в сфере фразеологической номинации, представленными категориально-семантическими универсалиями “событийности”, “предметности”, “качественности”, являются глагол, существительное, наречие, прилагательное» [11, с. 9].

Следует отметить, что при этом нужно учесть, что в основе отнесения фразеологизмов к какому-либо лексико-грамматическому типу, в первую очередь, лежит значение фразеологизма, а не наличие или отсутствие в составе фразеологических единиц компонентов, соотносимых с какой-либо частью речи.

Некоторые исследователи важнейшую роль отводят глагольным фразеологизмам, составляющим основу фразеосистем различных языков, что оправдывается их семантическим и структурным многообразием и широкой распространенностью в языке и речи. Такую точку зрения оправдывают результаты исследования фразеологизмов в адыгейском языке, значительную часть которых составляют глагольные фразеологизмы.

Например: *гур фызын* [9, с. 54] (букв.: сжимать сердце, «обидеть кого-либо»), *гур тхытхын* [Там же, с. 53] (букв.: сердцу трястись, «испугаться кому-либо»), *гур фэгъун* [Там же, с. 54] (букв.: сохнуть сердцу, «беспокоиться за кого-либо»), *жъы къэцъэжъын* [Там же, с. 73] (букв.: надыхаться воздухом, «освободиться от кого-либо») и т.д. (здесь и далее перевод автора статьи. – Г. Т.).

Основным свойством глагольных фразеологизмов в адыгейском языке, как и в различных языках, является выражение действия как активного, так и пассивного процесса.

Глагольные фразеологизмы объединяют фразеологические единицы, обозначающие любые действия, процесс, состояния, например: *гур фэузын* [Там же, с. 54] (букв.: болеть сердцем за кого-либо, *болеть душой (сердцем)* [10, с. 42] «переживать за кого-л.»); *гур плъын* [9, с. 51] (букв.: сердце раскалится, «злиться»); *гур иутын* [Там же, с. 49] (букв.: выбить сердце, *вымотать душу* [10, с. 94] «достать кого-л.»); *гум къеон* [9, с. 37] (букв.: ударить сердце, «иметь обиду»); *зэцыпэ (зэц) тегъэун* [Там же, с. 77] (букв.: избавить от скуки кого-либо, «не дать скучать») и т.д.

Среди глагольных фразеологических единиц значительное место занимают соматические фразеологизмы: *шъхъэм илъын* [Там же, с. 160] (*держат в уме (в голове)* [10, с. 136] «постоянно помнить, думать о ком/чем-л.»), *шъхъэм фитын* [9, с. 162] («быть свободным»), *гур фэузын* [Там же, с. 54] (*болеть душой (сердцем)* [10, с. 42] «переживать за кого-л.»), *гур фыхэкъын* [9, с. 54] («быть в обиде на кого-л.»), *гур псэфын* [Там же, с. 52] («быть спокойным»), *жэм къыдахъэрэр Ion* [Там же, с. 69] («говорить лишнее»), *нэхэр зэлуунлъных* [Там же, с. 118] («встретиться взглядом»), *лъакъор зэтэдзагъэу цысын* [Там же, с. 95] («бездельничать»), *тхьакъумэм имыгъэкъын* [Там же, с. 133] (*прожужжать (все) уши* [10, с. 362] «надоест постоянными разговорами об одном и том же») и т.д.

Анализ материала показывает, что среди глагольных фразеологических единиц в адыгейском языке одним из наиболее продуктивных являются фразеологизмы, содержащие компонент-соматизм *гу* («сердце»).

Своеобразие морфологических категорий глагольных фразеологизмов состоит в том, что, как и для адыгейского глагола, так и для глагольных устойчивых сочетаний адыгейского языка не свойственны категории вида и рода.

Сравнительный анализ глагольных фразеологизмов в адыгейском и русском языках показывает несколько типов соотношений фразеологических единиц в этих языках: а) полное соответствие значений адыгейских и русских фразеологизмов: *ылэнтэгъу ецкъэжъын (кусать (себе) локти)* [Там же, с. 218], *пэр дэгъэзыен (Лэтын)* [9, с. 128] (*задирать нос*) [10, с. 163]; б) неполные их соответствия: *ыгу нэгъэсын (затронуть за живое)* [Там же, с. 171], *гу цыфэн (цыфэжъын)* [9, с. 59] (*пожинать плоды*) [10, с. 333]; в) отсутствие соответствующих эквивалентов в русском языке: *дышъэр ынэкъапэкъу* ((букв.: если даже золотая челка) «не хотеть кого-л.»), *ынэгъу ошъуапцэхэр къытехъаных* ((букв.: появиться на лице облакам) «перемениться в лице»); г) отсутствие соответствующих эквивалентов в адыгейском языке: *закладывать за галстук* [Там же, с. 165], *кормить завтраками* [Там же, с. 207] и т.д.

Фразеологизмы *ылэнтэгъу ецкъэжъын*, *ыгу нэгъэсын*, *ынэгъу ошъуапцэхэр къытехъаных* и т.д. (здесь и далее) даются без ссылки, т.к. не включены в словарь фразеологизмов адыгейского языка. Однако данные фразеологизмы часто используются в языке и речи.

Как известно, большинство фразеологизмов при передаче их на другой язык не допускают буквального перевода, а требуют соответствующий фразеологизм другого языка. Буквальный перевод – дословная передача смысла адыгейского фразеологизма русским сочетанием – применяется в тех случаях, когда такой перевод представляет особый интерес с точки зрения его этимологии или образности.

Во фразеологизме *шъхъэр убэтэн (къутэн)* [9, с. 163] ((букв.: разбить голову) *морочить голову* [10, с. 254] «болтать лишнее») фразеологически связанное значение имеет глагольный компонент. Однако абсолютная немотивированность делает невозможной замену именного компонента, т.к. такая замена может привести к нарушению стилистико-логической целостности данной единицы. Дословный перевод данной единицы (разбить голову) не имеет ничего общего со значением самой фразеологической единицы.

Дословный перевод, как отмечает А. Г. Емузов, «может исказить смысл переводимой фразеологической единицы ввиду несоответствия нормам того или иного языка» [2, с. 5].

Следует отметить, что при нефразеологическом переводе образность теряется. В адыгейском языке, как и в каждом языке, есть фразеологические единицы, не имеющие соответствий на другом языке. Такие фразеологические единицы содержат компоненты, которые не допускают перевода на другой язык, в связи с тем, что они отражают ярко выраженную национальную черту, а также в своем составе могут иметь вышедшие из активного употребления слова, которые остались только в составе таких фразеологических единиц. Устойчивость фразеологических единиц оправдывает наличие устаревших слов в их компонентном составе, благодаря чему эти лексемы остаются в языке и речи.

Ю. А. Тхаркахо, затрагивая глагольно-именные фразеологизмы в адыгейском языке, пишет: «Глагольно-именные фразеологизмы состоят из глагольных и именных компонентов, но в них ведущее место занимает глагольная форма. Об этом говорит и тот факт, что такие фразеологизмы обычно синонимичны словам – глаголам: *гур клодын* “испугаться” (*цтэн*), *ыгу къэлэтын* “воодушевить” (*гъэгъушхон*)» [8]. Однако мнения специалистов по этому вопросу расходятся. В отличие от Ю. А. Тхаркахо, В. Н. Телия, выражая свое мнение, пишет: «В этом отношении весьма интересное явление представляют глагольные перифразы типа *хранить молчание*, *читать мораль*, где глагол “передает” свои функции существительному, а последнее выполняет функции лексической морфемы. Этот процесс переразложения синтаксических отношений

в морфологическое особенно активно протекает во французском языке... В еще большей степени это явление наблюдается во многих иранских, абхазо-адыгских и других языках» [7, с. 41-42].

По мнению К. Т. Мамрешева, «к семантическим опорным типам слов можно отнести и тот компонент фразеологизма, который вычленяется по методу исключения. Например, он характерен для фразеологизмов, состоящих из имени и глагола (или глагольных форм), в которых глагол утрачивает свое реальное содержание и функционально приближается к вспомогательным глаголам. Здесь возможность квалификации подобного глагола – компонента как опорного слова фразеологической единицы исключается, следовательно, таковым в подобных фразеологизмах может быть признан именной компонент, сохраняющий свое реальное содержание. Например: *гъаблэу цтэн* “не наедаться”, *гъаблэу* – “голод”» [6, с. 133].

Фразеологизмы могут соотноситься с той или иной частью речи в зависимости от наличия у них определенных черт лексического и грамматического характера, свойственных определенной части речи.

В адыгейском языке наиболее распространенными являются глагольные фразеологизмы. Лексико-семантическая соотнесенность глагольных фразеологизмов с глаголами сказывается в том, что и те, и другие обозначают действие или состояние. Глагольные фразеологические единицы и их варианты, как и просто слова глаголы, бывают однозначными и многозначными. Явление многозначности среди глагольных фразеологизмов менее распространено, чем среди лексем глаголов. Например: *гу лъегъэтэн* [9, с. 33] («дать понять кому-л. что-л.»); *изын етын* [Там же, с. 79] («дать разрешение кому-л.»); *ныбэм ешушлэн* [Там же, с. 105] («хорошо покушать кому-л.»); *нэплъэгъум имыгъэкIын* [Там же, с. 113]: 1. «Не упускать из виду кого-л.». 2. «Держать под присмотром», «оказывать помощь кому-л.»; *хысап шIын* 1. Посчитать. Прикинуть. 2. Предположить что-л. 3. Думать и т.д.

Ежь къылъыти сомэ миллионитIу къытыцтэу хысап къышIыгъ [Там же, с. 146]. / Он прикинул, что даст два миллиона.

Ежь къызэрэлухъажьырэр зызэхехым кIэнкIэу ыкъутагъэхэр ишъужьыгъо имыфэу кIулажъыгъэу хысап ешIы [Там же]. / Он думает, что когда услышал близкие шаги, бросился бежать, не успев допить разбитые яйца.

Фразеологическими вариантами считаются, как отмечает А. В. Кунин, «разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [4, с. 62].

На наш взгляд, когда во фразеологической единице один из компонентов заменяется другим или же происходят изменения в структуре одного из компонентов, а эти изменения не образуют новое слово и не меняют смысловое значение фразеологизма, в таком случае можно говорить о появлении вариантов.

Во фразеологизме *гум цтагъо (цтэ) игъэхъан (идзэн)* [9, с. 42] ((букв.: впустить (бросить) страх (испуг) в сердце), «испугать кого-л.», «наводить страх на кого-л.») второй компонент *цтагъо* («страх, испуг») может быть заменен лексическим вариантом *цтэ* («страх, испуг»), третий компонент *игъэхъан* («пустить») – лексическим вариантом *идзэн* («бросить»). Это значит, что данный фразеологизм в речи встречается в следующих вариантных формах употребления: *гум цтагъо игъэхъан*, *гум цтэ игъэхъан*, *гум цтагъо идзэн*, *гум цтэ идзэн*.

БIдэжь узихъэрми зыгорэу нэ утхъуагъэхэмкIэ къыоплъы – угу цтагъо къырегъахъэ [Там же]. / И когда заходишь к нему, смотрит на тебя мутными глазами, так что наводит на тебя страх.

Другие примеры: во фразеологизме *шъхъацышъгор гъэтэджын* [Там же, с. 159] («сильно напугать кого-л.») первый компонент *шъхъацышъгор* можно заменить лексическим вариантом *кIышъоцыр*, что способствует образованию в речи фразеологического варианта – *кIышъоцыр гъэтэджын* («сильно напугать кого-л.»); во фразеологизме *шъхъэм жьы ит* [Там же, с. 160] («легкомысленный») второй компонент *жьы* может быть заменен лексическим вариантом *жьыбгъэ*, что образует следующую форму употребления *шъхъэм жьыбгъэ ит* («легкомысленный»), не изменяющую смысловое значение фразеологизма, и т.д.

В адыгейском языке встречаются фразеологические единицы, которые могут иметь 5-10 вариантов. Например: фразеологизм *нэгур зэхэгъэхъан* («стать мрачным») имеет варианты: *нэжгъыр зэхэгъэхъан*, *нахэр зэхэгъэхъан*, *нэгур зэхэгъэштэон*, *нэжгъыр зэхэгъэштэон*, *нахэр зэхэгъэштэон* [Там же, с. 107] и т.д.

ГушIуагъэ Аюбэ, зыкыпхъуати, топгъаомэ ячъэлIагъ, ау ылъэгъугъэм а сыхъатым ынэгу къызэхигъэхъагъ [Там же]... / Аюб обрадовался, подпрыгнул и подбежал к артиллеристам, но в тот же миг по-мрачнел от того, что увидел...

В данном предложении фразеологизм *ынэгу къызэхигъэхъагъ* («стал мрачным») можно заменить следующими фразеологическими вариантами: *ынэжгъ къызэхигъэхъагъ*, *ынахэ къызэхигъэхъагъ*, *ынэгу къызэхигъэштэуагъ*, *ынэжгъ къызэхигъэштэуагъ*, *ынахэ къызэхигъэштэуагъ* со стилистически сниженной характеристикой.

Во «Фразеологическом словаре адыгейского языка» приводятся глагольные фразеологизмы, имеющие до 10 фразеологических вариантов. Например: *чапычэуи зэхэмышIэн*, *чапычытфэуи зэхэмышIэн*, *чапыч нэшьоуи зэхэмышIэн*, *къэбарэуи зэхэмышIэн*, *къуштэуи зэхэмышIэн*, *чапычэуи къымыдзэн*, *чапычытфэуи къымыдзэн*, *чапыч нэшьоуи къымыдзэн*, *къэбарэуи къымыдзэн*, *къуштэуи къымыдзэн* [Там же, с. 150] («игнорировать кого-л.») и т.д.

В компонентном составе фразеологических единиц могут происходить частичные структурные изменения, которые способствуют образованию вариантов при их полном тождестве семантических и грамматических значений. Например: *гъуни нэзи имыI* и *гъунэрэ нэзырэ имыI* [Там же, с. 63] (*без конца и края* «до бесконечности»), *гум къылъэдэн* и *гум къытелъэдэн* [Там же, с. 39] (*прийти в голову* [10, с. 359] «возникать в сознании

кого-л.», *шъхьэр убэтэн и шъхьэр къутэн* [9, с. 163] (*морочить голову* [10, с. 254] «болтать лишнее»), *лъэгум клэгэплъэных, лъэгумшъом клэгэплъэных и лъэгупашъом клэгэплъэных* [9, с. 98] («танцевать кому-л.»), *лы техьон (шIын)* [Там же, с. 95] («прибавить в весе»), *шъом икIын* [Там же, с. 165] («распоясаться») и т.д.

Приведенные глагольные фразеологические единицы образованы путем конструкции «имя + глагол». Такая группа фразеологических единиц в адыгейском языке многочисленна и разнообразна. В русском языке аналогичные глагольные фразеологизмы имеют структуру «глагол + имя»: *съесть собаку, точить лясы, бить баклуши* и т.д.

Как отмечает А. Г. Емузов, «свидетельством ярко выраженной модально-экспрессивной окрашенности глагольных фразеологических единиц является тот факт, что они могут употребляться в положительном и отрицательном значениях» [3, с. 64].

Например: *зэкIакIо имыIэн* [9, с. 75] («иметь твердость»), *ыужы ихьан* [Там же, с. 182] («заняться кем-чем-л.»), *упчIэ гъэуцун* («поставить вопрос»), *цIэрыIо хьун* [Там же, с. 150] («прославиться») и т.д.

В адыгейском языке существуют глагольные фразеологические единицы, как *хьэр псашьо егъэуцэн* [Там же, с. 147] («мучить, терзать кого-л.»), *чапычэуи зэхэмышIэн* [Там же, с. 150] («игнорировать кого-л.»), *цэр фэлын* [Там же, с. 149] («хотеть причинить вред кому-л.») и т.д., которые употребляются только в отрицательном значении.

В адыгейском языке существуют глагольные фразеологические единицы: с различающейся лексемой – *гушыIэр (ыIорэр) егъотылIэжьын* [Там же, с. 60] («сдерживать слово»), *шъхьакIо шIын (щыхьун)* [Там же, с. 158] («иметь обиду») и т.д.; с различающейся морфемой – *нэрэ-Iэрэ агу (азыфагу, къагу)* [Там же, с. 117] («быстро»), *хэплъхьани хэпхьыи иIэн (щыIэн)* [Там же, с. 142] («ни дать ни взять») и т.д.; с различающейся синтаксической конструкцией – *ышъхьэ (шъхьэм) тетIысхьан* [Там же, с. 185] («управлять кем-л.»), *ыпсэ (псэр) хэтIэгъэн* [Там же, с. 179] («всей душой любить кого-л.»), *ыцыпэ къыхэгъэуцэн (къыхэгъэпсын)* [Там же, с. 183] («намекнуть кому-л. о чем-л.») и т.д.

Во фразеологической системе адыгейского языка встречаются фразеологизмы с двумя глагольными компонентами. Например: *хэплъхьани хэпхьыи иIэн (щыIэн)* (*ни дать ни взять* «совершенно, точно такой же»); *кIэхьанышъ течъыжъын (догнать и перегнать* «обойти кого-л. в чем-л.»); *уIабэмэ унэсыным фэд* [Там же, с. 140] (букв.: если протянешь руку, достанешь, «близко»); *фэгъэунэшкIунышъ ыжэ дэлыхъжъын* [Там же, с. 141] (букв.: пережевать и в рот положить, «сделать что-л. до конца за кого-л.») и т.д.

Мэу уIабэмэ унэсыным фэд, чыжъэп сыздэкIоцтыр [Там же, с. 140]. / *Рукой подать, не далеко, куда я пойду* и т.д.

В адыгейском языке большинство глагольных фразеологических единиц имеют соответствия в русском языке. Например: *нэгум къыкIэтэдэжэн (къыкIэуцон)* [Там же, с. 106] (*вставить перед глазами* [10, с. 84] «зрительно представлять кому-либо»), *зэрымытым Iэтишъэ игъэуцон (ишIыхьан)* [9, с. 76] (*делать из мухи слона* [10, с. 417] «сильно преувеличивать что-либо»), *шъхьэм къыхьан* [9, с. 161] (*приходить в голову* [10, с. 359] «возникать в сознании кого-либо»), *ышъхьэ тетIысхьан* [9, с. 185] (*сесть на голову* [10, с. 422] «подчинить своей воле») и т.д.

Адыгэ кIалэм бэрэ а гушысэхэр ышъхьэ къыхэцтыгъэх [9, с. 161]. / *Адыгскому юноше много раз такие мысли приходили в голову* и т.д.

Проведенный анализ выбранных глагольных фразеологизмов позволил выявить различные варианты глагольных фразеологизмов в адыгейском языке, сходство и различие в структуре глагольных фразеологизмов в разноструктурных языках, глагольные фразеологические единицы и их варианты в адыгейском языке, имеющие полную эквивалентность в русском языке, особенности перевода фразеологических единиц с одного языка на другой язык, изучить вариантность, многозначность глагольных фразеологизмов в адыгейском языке.

Список источников

1. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л.: Наука, 1978. 238 с.
2. Емузов А. Г. Англо-кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1976. 249 с.
3. Емузов А. Г. Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 1986. 224 с.
4. Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). М.: Высшая школа, 1970. 344 с.
5. Магомедов М. И. Фразеологическая синонимия и антонимия как важное стилистическое средство языка аварских сказок // Актуальные проблемы кавказоведения в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 165-летию Ч. Э. Ахриева. Назрань: Пилигрим, 2015. С. 114-119.
6. Мамрешев К. Т. Опорное слово фразеологизма как проблема лексикографии (на материале адыгских языков) // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: сборник статей. Баку: Изд-во АН АзССР, 1968. С. 130-135.
7. Телия В. Н. Что такое фразеология. М.: Наука, 1966. 86 с.
8. Тхаркахо Ю. А. О фразеологизмах адыгейского языка // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп: Адыгейская областная типография Управления по печати Краснодарского крайисполкома, 1971. Т. XII. С. 341-342.
9. Тхаркахо Ю. А. Фразеологический словарь адыгейского языка / на адыг. яз. Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1980. 200 с.
10. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
11. Хейшхо Ф. И. Структурно-семантические типы глагольных фразеологизмов в русском и адыгейском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Майкоп, 2000. 22 с.

VARIANCE OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE VERBAL COMPONENT IN THE ADYGHE LANGUAGE

Tuguz Goshim Turkubievna

*Adyghe Republican Institute for the Humanities Research named after T. M. Kerashev, Maykop
tuguz.71@mail.ru*

The article deals with some verbal phraseological units and their variants in the Adyghe language in comparison with the Russian language. Scientific interest lies in identifying the specificity of the translation of verbal phraseological units and their variants from the Adyghe language into Russian, the common and distinctive features inherent in them in the languages of different structures. The semantic, stylistic, comparative, translational and statistical analysis is carried out. The results of the research expand the understanding of the variance of verbal phraseological units in the Adyghe language and their functioning in language and speech.

Key words and phrases: languages of different structures; variants; verbal phraseological units; translation; phraseology; Adyghe language; verbal component.

УДК 811.512.145

Дата поступления рукописи: 21.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.54>

В статье рассматриваются семантические значения давнопрошедшего времени на -гъан эди крымскотатарского глагола, определяются формы прошедшего времени английского языка с близким значением. В результате исследования устанавливается, что форма давнопрошедшего времени глагола несёт четыре ярко выраженных семантических значения, два из которых соответствуют значениям английского прошедшего перфектного времени Past Perfect Tense, а ещё два – значениям прошедшего простого времени Past Simple Tense. При анализе структуры обнаруживаются параллели в образовании давнопрошедшего времени крымскотатарского языка и прошедшего перфектного времени Past Perfect Tense английского языка.

Ключевые слова и фразы: крымскотатарский язык; давнопрошедшее время; глагольная форма; Past Perfect Tense; Past Simple Tense.

Швед Евгений Василий*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
kitar.inform@gmail.com***ДАВНОПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ НА -ГЪАН ЭДИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ГЛАГОЛА
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМИ ФОРМАМИ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ)**

Глагольная система прошедшего времени в крымскотатарском языке включает в себя двенадцать глагольных форм (шесть категорических и шесть неочевидных). На данное время в трудах тюркологов предлагается их общая классификация, но пока не поставлена точка в вопросе функционального использования каждой из форм. По этой причине представляется **актуальным** посредством анализа художественной литературы крымскотатарских авторов определить сферу употребления каждой из глагольных форм и сопоставить их с глагольными формами английского языка, для которого также характерна развитая система прошедшего времени (четыре структурно прошедших и два функционально прошедших времени). Данная статья является продолжением исследования автором глагольных форм прошедшего времени крымскотатарского языка и сопоставления их с глагольными формами английского языка, которое нашло отражение в ряде его статей. **Научная новизна** исследования заключается в том, что сопоставление глагольных форм крымскотатарского языка с формами английского языка проводится впервые. Окончательная **цель** исследования – предложить описание структуры и семантического функционирования двенадцати глагольных форм прошедшего времени крымскотатарского языка в сопоставлении с глагольными формами английского языка. Для достижения этой цели выполняются следующие **задачи**: выявляется спектр семантических значений глагольных форм крымскотатарского языка на основании употребления в художественной литературе, определяются близкие им по своему семантическому значению глагольные формы английского языка, проводится сопоставление их семантических полей и структуры.

Форма давнопрошедшего времени (далее – ДПВ) на -гъан эди является одной из десяти аналитических глагольных форм крымскотатарского языка. Согласно А. М. Меметову, она используется для передачи сообщения о действии, совершенном задолго до момента речи или прежде другого прошедшего действия, не имеет значения продолжительности действия и показывает достоверность совершенного действия. Употребление этой формы предполагает наличие другого действия или события, которое совершается после обозначенного формой ДПВ действия. Также утверждается, что эта форма не имеет значения продолжительности действия, для нее важнее достоверность совершенного действия [8, с. 472]. Д. Кавитская называет данную форму pluperfect (плюперфектом) и отмечает, что она служит для передачи информации об очень давно произошедших событиях [14, р. 68]. Л. И. Караева добавляет, что форма ДПВ может передавать недавно совершившиеся события и что для нее нехарактерна передача многократных действий [5, с. 99, 101]. Данная форма прошедшего времени встречается во многих других тюркских языках. В кумыкском языке она также обозначает действие, которое предшествует другому прошедшему действию и находится с ним в логической связи [4, с. 116]. В башкирском